

*Моей сестре Сабине
с любовью и благодарностью
за неоценимую помощь и поддержку*

Когда дверь рабочего кабинета открылась, Вероника не шевельнулась и ничем не выдала свою заинтересованность. Она рассчитывала, что сейчас начнется светопреставление, но — нет, ничего подобного. Прошло секунд двадцать, дверь снова закрылась, и наступила тишина. А потом там, снаружи, в коридоре, послышался голос Святослава:

— Это вы новый корреспондент?

— Да, совершенно верно, — ответил другой голос, незнакомый. Звучал он неуверенно.

— За этой дверью ваше рабочее место, можете войти и...

— Я уже входил, — ответил невидимый корреспондент. — Там на полу лежит женщина.

— Где лежит?!

Вероника представила, как красавец Святослав наморщил лоб и расширил глаза, в которые с робкой надеждой заглядывали все девушки редакции. Вероника, как это ни прискорбно, тоже заглядывала, но Святослав ловко отбивал подачи. Как она и предполагала, дверь немедленно распахнулась снова, громко стукнулась о стену и завибрировала.

— Заходите, заходите, не бойтесь. Она живая.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— А почему она тут лежит?

— Думаю, в знак протеста. Ее только что уволили. Она считает, что незаслуженно.

Вероника почувствовала, что глаза обожгло слезами, но даже не шевельнулась.

— Если вы обратили внимание, — продолжал Святослав, — лежит она на спортивном коврикe. Так что это не настоящий протест, а профанация. Как вас зовут?

— Николай. Коля.

— Так вот, Коля. Вполне может статьeя, что бывшая коллега просто пытается привлечь к себе мое внимание. Она почему-то считает, что я способен повлиять на руководство и упросить главного редактора взять ее обратно. Или она вообразила, будто я ради нее подниму мятеж и призову всех к оружию. А потом женюсь на ней.

Тут уж Вероника не выдержала. Она открыла глаза, села на своем коврикe и возмущенно воскликнула:

— Это ты потащил меня в дурацкую командировку в дурацкий Вепсский лес! Ты и твой оператор! Вы завели меня в болота и потеряли. Я двое суток провела по колено в воде, питаюсь грязной клюквой и отбиваясь от пиявок. Я чуть не умерла от разрыва сердца. А меня за это уволили!

— Тебя не за это уволили, — ответил Святослав, который стоял прямо напротив, возле самых ее пяток, и выглядел примерно как скандинавский бог, каким его представляют создатели голливудских фильмов. Одна его светлая курчавая борода чего стоила.

— А за что? — угрюмо спросила Вероника, которая на самом деле улеглась на пол, чтобы заняться своей заветной пятнадцатиминутной медитацией. Медитация помогала снять стресс и привести чувства в равновесие.

Чувств было много. Так много, что в них можно было утопить целую Атлантиду. К своим тридцати годам Вероника, занимавшаяся рутинной репортерской работой, повидала достаточно мерзостей жизни. И готова была смириться с чем угодно. Вывести из себя ее могло только одно — несправедливость. А с ней совершенно точно поступили несправедливо. И Святослав это прекрасно знал.

— Помочь вам подняться? — робко вякнул новый корреспондент, который все это время стоял в сторонке.

Вероника перевела на него горгоний взгляд, от которого у неподготовленных граждан кровь в жилах сворачивалась, как скисшее молоко. Корреспондент оказался щуплым, с большой кудлатой головой и тонкими ручками. Сейчас он был удивительно похож на пуделя, поджавшего хвост.

— Пусть вот он меня поднимает, — Вероника подбородком указала на Святослава.

Тот усмехнулся, протянул руку и сказал:

— Слушай, Ивлева, прекращай свои концерты. Тебя уволили, и сделать тут совершенно ничего нельзя. Я понимаю, ты думала, что после случившегося тебя все будут жалеть, плясать вокруг тебя, дадут тебе внеочередной отпуск или, может, даже премию...

Вероника и в самом деле так думала. Некоторое время назад ей поручили сделать большой материал о деревне колдунов Нойдале, которая находится в Ленинградской области, в Вепском лесу. Правда, оказалось, что никакие колдуны там не живут, и вообще никто не живет, потому что стоящая среди болот деревня давно заброшена. Окружавшие ее болота имели дурную славу, на них пропала уже куча народу. Некоторые исчезали бесследно, а других находили мертвыми, при этом все покойники были абсолютно голыми. Хотя люди умирали ненасильственной смертью, никому до сих пор так и не удалось объяснить, что заставляло их сбрасывать с себя одежду.

Предполагалось, что Вероника поедит по соседним жилым деревням, поговорит с людьми о творящихся в округе чудесах, а в итоге сочинит какую-нибудь историю в духе «Собаки Баскервилей». Но прямо накануне ее командировки на тех самых болотах снова произошло несчастье — пропал какой-то крупный чиновник, непонятно, за каким бесом забравшийся в заповедные места. После этого Вероника потребовала от руководства под-

крепления, и тогда к ней прикомандировали еще двух сотрудников: Святослава, считавшегося в редакции самым головастым, и оператора, призванного снять все ужасы Вепсского леса на камеру.

Но в этой командировке с первых минут все пошло не так. Начать с того, что до Нойдалы оказалось невозможно доехать даже на «джипе». Бросив машину в ближайшем поселке, маленький отряд журналистов отправился к цели своего путешествия пешком. Почти десять километров им пришлось идти по бездорожью, и когда они наконец добрались до места, Вероника совершенно скисла. Тогда мужчины оставили ее сидеть на пеньке и приходиться в себя, а сами решили поснимать общие планы, пока не село солнце.

Вероника довольно быстро оклемалась и немедленно полезла в один из брошенных домов. Потом полезла в другой дом, в третий, потом решила сделать пару снимков на память с какого-то холмика... И непонятно как потерялась. С собой у нее не было ровным счетом ничего: ни еды, ни воды, ни даже зажигалки, один только разряженный телефон. Двое суток она бродила по заболоченному лесу, пока не вышла к озеру, на берегу которого стояла хижина. В этой хижине наутро ее нашел местный рыбак, на груди которого Вероника выплакала два ведра слез и которому совершенно точно сильно помяла ребра, когда душила его в объятьях. Того страха, какого она натерпелась за две ночи в дремучем лесу, Стивену Кингу хватило бы на десять жутких романов.

Увидев ее живой, Святослав с оператором орали так, что им стало отвечать какое-то эхо — наверное, с Урала или с Гималаев. Из-за того, что они смотрели на нее волками, обратный путь превратился в кошмар. Хорошо еще, что до места, где они оставили свою машину, их довезли местные мужики, резво разъезжавшие по колдобинам и ухабам в железных коробках, поставленных на огромные самодельные «дутики».

Как только заработали телефоны, с отрядом связался главный редактор, который тоже орал на Веронику и ругался при этом такими словами, каких джентльмены никогда не употребляют в общении с противоположным полом. Главный велел всей команде немедленно явиться в редакцию, вот прямо немедленно, иначе расстрел. Дурацкий оператор, сидевший за рулем, не посмел ослушаться приказа и сразу поехал на работу. Грязная, измученная, раздавленная случившимся Вероника была первой вызвана на ковер и уволена прямо в первую минуту разговора.

А теперь вот Святослав заявляет, что ее вышвырнули вовсе не из-за того, что она потерялась, выбив всех из графика и пошатнув редакционный бюджет. Поэтому когда он поднял ее с пола, сильно потянув за руку, она тут же подбоченилась и спросила:

— Выходит, ты знаешь, за что меня уволили?

Святослав нахмурился, обошел Веронику и, пнув ногой коврик, на котором она медитировала, сел на вращающийся офисный стул. Ткнул пальцем в другой стул, предложив сесть и Николаю. Зная, что Веронику усаживать бесполезно, ей он ничего предлагать не стал, а сложил руки на груди и, тяжело вздохнув, объяснил:

— Твое сольное выступление на болотах было всего лишь удобным поводом для того, чтобы избавиться от тебя и освободить место для кое-кого другого. Не дергайся, Коля, речь не о тебе, у тебя неинтересная зарплата и нет папы-депутата, так что сиди тихо. Можешь пока разложить по ящикам стола свои блокноты и диктофоны или поточить карандаши.

Вероника, у которой был на диво высокий «айкью», хорошо разбиралась во многих вещах. Но когда дело доходило до подковерных игр, тут она становилась тупой, как старый топор.

— Но почему я? — спросила она, не сдержавшись и топнув ногой. — Скажи, я что, плохо работала?

— Ты отлично работала, — заверил ее Святослав. — И если это тебя утешит, я как глава отдела очень расстроен, что теряю такого безотказного сотрудника. Не знаю, кем я буду теперь затыкать все дыры. Ты настоящий репортер, ни разу не спасовала перед трудностями.

— Твои дифирамбы мне зарплату не заменят, — огрызнулась Вероника, хотя в душе была польщена его словами.

Коля, погремев карандашами в ящике, робко спросил, есть ли в редакции кофеварка. После чего тихонько улизнул из кабинета, оставив бывших коллег один на один.

Святослав смотрел на Веронику с состраданием. Ему и в самом деле было жаль с ней расставаться. Если бы не пытливый взгляд и неистребимое дружелюбие, Веронику вполне можно было бы назвать прелестной девушкой. Однако природа подарила ей не только большие ясные глаза, копну светлых волос и прекрасную фигурку, но еще и горячую голову. Поэтому чаще всего она сверкала, как бенгальский огонь, заставляя мужскую половину редакции любоваться ею издали. Кроме того, Вероника не умела кокетничать и обладала удивительной способностью мгновенно превращаться в «своего парня», с которым совсем неинтересно флиртовать.

— Честно, Вероника, я сделал, что мог. Но все было решено заранее. — Святослав поднялся со своего стула. — Давай я отвезу тебя домой.

— Я не еду домой, — помотала головой та.

— Да как же не едешь? — опешил Святослав. — Тебе что, не хочется в ванну? А потом под одеяло?

— Мне срочно нужно в Кипелково.

— Куда-куда? — Святослав потешно вытянул шею. — В Кипелково? Это сколько ж верст от Москвы?

— Много, — ответила Вероника, думая о том, что они со Святославом теперь смогут увидеться только случайно. Остаются, конечно, звонки и переписка, но это ведь не настоящее общение, а так — игровой симулятор.

— Ты ведь это несерьезно? — Святослав посмотрел на нее с тревогой, пытаясь осознать, что она в самом деле не шутит.

— Моя лучшая подруга выходит замуж, — коротко пояснила Вероника. — Самая-самая лучшая. Как ты понимаешь, я не могу пропустить ее свадьбу. Свадьбу устраивают в дачном поселке, а поселок находится в Кипелково. И я уже катастрофически опаздываю.

— Так ты подружка невесты? — сообразил Святослав. — На чем планируешь добираться?

— На электричке, конечно. На такси получится дорого. Я же теперь безработная, мне надо экономить.

Святослав вздохнул и обернулся к окну. Там, снаружи, августовское солнце выжигало город, заливая ультрафиолетом улицы и закоулки. Над шоссе висел бензиновый чад, неподвижные деревья с темной листвой напоминали пластиковые аквариумные растения.

— Я отвезу, — сказал он не допускающим возражений тоном.

У Вероники сжалось горло. Она поняла, что еще не переварила произошедшее и находится в шаге от полноценной истерики. Пятнадцатиминутной медитацией тут явно не обойтись.

— Чего это вдруг? — спросила она угрюмо. Угрюмость была нужна ей для того, чтобы не разрыдаться прямо тут, в кабинете.

Святослав почесал голову, подергал себя за бороду и еще раз посмотрел в окно.

— В знак скорби, — наконец сообщил он. — Потому что тебя несправедливо уволили и мне тебя жалко.

* * *

— Слушай, — сказала Вероника, поглядев на Святослава искоса. Он рулил, а она сидела рядом, мысленно благословляя климат-контроль и наслаждаясь прохладным

воздухом. — Мы больше не будем работать вместе, не будем разъезжать на машинах или торчать в круглосуточных кафе...

— И что? — спросил тот удивленно.

— Да просто странно.

Они помолчали, а потом Святослав вдруг задал новый вопрос:

— Знаешь, Ивлева, почему я не отвечал на твои чувства?

— Какие чувства? — перепугалась она.

Вот уж чего она точно не ожидала, так это разговора по душам. Да и вообще разговор по душам с одинокой девушкой — это как спичка, зажженная над сухим сеном. Все может закончиться воспламенением и большим пожаром.

— Да ладно, не прикидывайся, — Святослав усмехнулся. — Во-первых, я не дурак, а во-вторых, ты особо не скрывала.

Вероника открыла было рот, но потом снова его закрыла. У нее не хватило смелости сказать, что это скорее была игра, чем настоящее чувство. Просто флирт и ничего больше. В конце концов, у нее самый что ни на есть «кадрильный» возраст, как говорила бабушка. А как не обратить внимания на парня с такой потрясающей внешностью, да еще и умного?

— Так почему ты не отвечал? — спросила она, напряженно глядя в окно. — А вообще-то вопрос глупый. Наверное, я тебе не нравлюсь.

— Как ты можешь кому-то не нравиться, Ивлева? Ты ж хорошенькая, как зараза. Глазищи — во, а твоим волосам все наши девицы завидуют. Ответсек тебя вообще за глаза Златовлаской называет.

Конечно, Вероника знала, что она и в самом деле хорошенькая. Но ей всегда казалось, что задорное выражение лица делает ее природную красоту какой-то несерьезной.

— Ты мне очень нравишься, Вероника, — добавил Святослав абсолютно неромантичным тоном. — Но...

— Дьявол кроется в союзе «но».

— В твоём присутствии меня одолевает какое-то тревожное беспокойство, — продолжил Святослав, бросив короткий взгляд в её сторону. Его руки несколько раз перехватили руль, словно иллюстрируя высказанную мысль. — Как будто я должен что-то сделать. Что-то значительное. Родить потрясающую идею, найти выход из положения, сочинить стих.

— Я именно так на тебя действую? — удивилась Вероника. — Созидательно?

— Однажды я уже женился на сложносочиненной девушке, и это сильно испортило мне жизнь. Так что больше я сложностей не хочу. Если я ещё раз заведу серьёзные отношения, то с кем-нибудь простым и понятным, без двойного дна.

— А ты что, был женат? — поразила Вероника, пропустив мимо ушей неинтересные ей «если». — В редакции даже сплетен никаких не ходило. Просто удивительно. Мне казалось, я тебя хорошо знаю...

— Это правда, знаешь. И я тебя хорошо знаю. Знаю, как ты будешь реагировать, если вдруг начнется потоп или если мы застрянем в пробке. Знаю, что ты любишь пиццу с грибами, капучино и не пьешь водку, потому что после нее с тобой начинает происходить страшное. Но при этом я не знаю ничего о том, где ты родилась, где училась, кто твои родители...

— Если смотреть с этой стороны, то я действительно сложная девушка, — ухмыльнулась Вероника. — Мои родители хиппи. Мама уже умерла, а отец все еще коптит небо, периодически звонит мне то из Индии, то из Вьетнама, то с Алтая.

— Да ладно, — не поверил Святослав. — В моем представлении «дети цветов» — это дремучая старина. Вудсток в каком году был, в шестьдесят девятом?

— Ну, они же не вымерли, как мамонты, — пожалала плечами Вероника. — Хотя сильно изменились. Живут